

Е.В. Буянов

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН-МОЛОКАН
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

This article is devoted to the problem of working activities and skills of Spiritual Christians (Molokhans) at Amur region in the second half of XIX century – at the beginning of XX century.

Для общественных процессов на восточной окраине России во второй половине XIX – начале XX вв. характерны интенсивные миграции, а как следствие, – многонациональность населения и поликонфессиональный его состав. Изучение различных аспектов религиозной истории региона началось еще до революции. Бóльшая часть публикаций того периода относилась к деятельности Русской Православной церкви. Вместе с тем внимание многих авторов привлекли христианские не православные церковные общины, во множестве существовавшие тогда на Амуре. В их числе были молокане, которые принадлежали к направлению духовных христиан. С конца 20-х гг. XX в. усиление атеистической политики Советской власти, с одной стороны, привело к значительному уменьшению числа верующих, с другой стороны, – к заметному сокращению исследований по религиозной тематике. Тем не менее, с 60-х гг. XX в. в отечественной историографии стали появляться работы, посвященные вопросам религии и церковным организациям, существовавшим в России во второй половине XIX – начале XX вв. Изучением протестантских церквей на Дальнем Востоке занимались Н.М. Балалаева, В.С. Флеров, А. Долотов, И.В. Соснина и др. В их работах содержатся различные сведения об экономических, социальных и демографических процессах в сектантской среде, но в целом деятельность христиан-евангелистов характеризовалась как противоречащая делу строительства социализма в СССР.

В годы перестройки (1985-1991), когда в государственно-церковных отношениях произошли радикальные перемены, начинается новый этап в изучении истории религиозных организаций на территории России. Выходит множество научных работ по проблемам религиозной жизни в стране в прошлом и в наши дни. Этот процесс затронул и Дальний Восток России. В 90-е гг. XX в. было защищено несколько кандидатских диссертаций по различным аспектам деятельности Русской Православной церкви на востоке российского государства в дореволюционный период (А.А. Ипатьева, О.П. Федирко, Е.А. Капранова, А.Н. Смагин, И.А. Ермацанс и др.). Меньше внимания уделили исследователи вопросам религиозного сектантства на Дальнем Востоке России. Хотя и в этом направлении в последние годы наметились определенные перемены. В 2008 г. Е.А. Мурыгиной была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока России во второй половине XIX – 30-е гг. XX в.»¹. В работе отчасти характеризуется жизнь амурских молокан в рамках их межобщинного взаимодействия с баптистами. Этнокультурные аспекты жизни молокан затронула в своих работах Ю.В. Аргудяева². В 90-е гг. XX в. – начале XXI в. в местной печати было опубликовано немало материалов краеведческого характера, посвященных жизни и деятельности отдельных представителей и семей духовных христиан³. Но комплексных, обобщающих научных исследований молоканского религиозного движения на Дальнем Востоке России еще не предпринималось. В данной статье делается попытка изучить проблему трудовой активности молокан и осмыслить ее с современных методологических позиций.

Молокане, как рационалистическое христианское течение, появились во второй половине XVIII в. Понятие «молокане» введено Тамбовской духовной консисторией Русской Православной церкви в 1785 г. Оно не является самоназванием движения и имеет разные толкования. Его происхождение связывают с употреблением последователями движения молока в постные дни; с рекой Молочной на юго-востоке Украины, куда ссылались сектанты; со словом «мало», обозначающим избранность и элитарность движения («мало избранных»). Наиболее распространенная и принятая самими молоканами трактовка базируется на евангельских фразах «как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко», «я питал вас молоком», «для вас нужно молоко» и других библейских аллегориях, а также на сравнении Св. Писания и «Божьего Слова» с «духовным млеком», питающим верующих⁴. В 20-х гг. XX в. духовных христиан-молокан в России насчитывалось более миллиона душ обоего пола. Н.Ф. Кудинов в историческом очерке о молоканах, опубликованном в 1928 г. в журнале «Вестник Духовных Христиан-Молокан» и перепечатанном в 1992 г., относит появление зачатков учения духовных христиан в России к середине XVI в., ко времени царствования Иоанна Васильевича Грозного⁵.

Первые молокане прибыли в Приамурье в 1859 г. Это были государственные крестьяне (по разным данным – от 36 до 240 человек), высланные на Амур из Самарской и Таврической губерний за принадлежность к секте. Молокане, входившие в состав двух семейств – Кирея Попова и Матвея Лепехина – летом 1859 г. основали на реке Зее, близ Благовещенска, деревню Ново-Астрахановку (позднее ее стали называть Астрахановкой, сейчас в городской черте Благовещенска)⁶. Поповы и Лепехины были зажиточные крестьяне. Они получили за свое имущество, проданное на родине с «молотка», более 5700 руб. Помимо того, начальство Иркутска, куда они прибыли, выдало им дополнительно 100 руб. серебром для хозяйственного обзаведения⁷. Постепенно к первой молоканской общине стали подселяться другие духовоборческие и молоканские семьи. В 1870 г. в Астрахановке было 17 домов и 78 душ обоего пола. К 1 января 1891 г. в деревне числилось домов 30, жителей: 99 мужчин и 89 женщин и училище с 20 учащимися⁸.

После отмены крепостного права в 1861 г. поток переселенцев на Амур заметно возрос. согласно высочайше утвержденным 26 марта 1861 г. Положениям Сибирского комитета прибывающие на Дальний Восток получали ряд льгот, в том числе земельный надел 100 десятин на семью, без уплаты податей, возможность приобретать землю в собственность по 3 руб. за десятину, освобождение от денежных и натуральных земских повинностей в течение трех лет со дня водворения, освобождение на 10 лет от воинской повинности и на 20 лет – от платы за пользование землей. Эти правила, с незначительными изменениями в 1882 и 1892 гг., действовали до 1900 г.⁹ Они устраивали как крестьян, так и мещан из числа молокан, подвергавшихся, помимо религиозного гонения, еще и экономическим утеснениям. Правительственные меры подтолкнули молокан Самарской, Саратовской, Тамбовской, Астраханской губерний, наиболее густо населенных приверженцами этой секты, подать прошения о переселении на Амур. В частности, в 1865-1866 гг. таким путем в Амурскую область прибыло 25 молоканских семей из бывших удельных крестьян, переведенных при переселении в число государственных. Это были так называемые молокане-воскресники из села Тяглое Озеро Николаевского уезда Самарской губернии, ставшие в большинстве известными в Приамурье хозяевами-предпринимателями: Саяпины, Косицины, Ефремовы, Жариковы, Болотины, Кувшиновы, Ланкины, Лештаевы, Пивоваровы, Коротаевы, Кондрашовы, Тулуповы, Сычевы, Платоновы, Дружинины, Семеровы и др.¹⁰ Прибыв в составе 230 человек обоего пола, эти семьи основали молоканское селение Самарское и еще несколько новых молоканских поселений. Весной 1868 г., по официальным данным, в Амурской области проживало 1008 молокан обоего пола. Они жили по Амуру в деревне Сергеевской, по левому берегу Зеи в деревне Самарской, по правобережью Зеи в деревне Астрахановке, в городе Благовещенске.

Официальная статистика занижала численность молокан в Приамурье, между тем их количество неуклонно росло, и в начале XX столетия составляло 28340 человек. На рубеже XIX-XX вв. молокане жили в Амурской области отдельными селениями в целом ряде волостей. В частности, к деревне Белоярово Краснояровской волости было причислено 60 семей. Но более всего их было в Гильчинской волости, в частности в деревне Ново-Александровка – 60 семей, Верхнем Уртуе – 15, в выселке Липовской – 5. В этой же волости в ряде деревень представители молоканской конфессии обозначены, по официальной статистике, как молокане-баптисты: в Тамбовке (159 семей), Гильчине (100), Жариковке (97), Толстовке (76), Чуевке (51 семья)¹¹.

Помимо этого, немало молоканских семей из числа благовещенских мещан, также занимавшихся сельским хозяйством, поселялось на многочисленных заимках, расположенных рядом с областным центром или неподалеку от него, в Ивановской и Гильчинской волостях. Большинство их было названо по имени и фамилии владельцев: Неверовская, Буяновская, Ефремовская, Ивана Лештаева, Викула Метелкина, Василия Метелкина, Никиты Яковлева, Ивана Жарикова, Семена Жарикова, Семена Косицина, Захара Вобликова, Филиппа Семерова, Антона Семерова, Трифона Болотина, Прохора Болотина, братьев Саяпиных, Косициных, Ланкиных и др.¹².

Сохранилось яркое описание молоканской усадьбы: «По громадному пустынному двору ходят бесконечные «табуны» домашней птицы. Сотни кур, цыплят, утки, гуси, в ожидании вечернего корма, группируются около высокого крыльца, заранее поднимают между собой возню и шум, из которого резко выделяются временами отчаянные птичьи вопли. Почтовая пара долговязых, худых лошадей, привязанных к возку на вольном воздухе, побрякивает металлическими частями недоуздов и лениво разбрасывает по сторонам крупное, бурое сено, в изобилии наваленное в крытую тележку. Великолепная кошма и четыре плужка небрежно брошены среди грязи и навоза. Вся усадьба состоит из нескольких дрянненьких хлевушков и двух изб: одна из них парадная под железной крышей, сильно напоминает обычный мещанский дом какого-нибудь уездного городка европейской России, другая, крытая полустгнившим тесом, видимо, древнего происхождения и небрежной постройки: вся она сильно накренилась и одно из окон почти село на земляную завалинку. Вдали, в конце двора, – «сад» – густая поросль беспорядочно посаженных молодых деревьев: тут и ветла, и рябина, и черемуха, и дикая вишня, и «ранет».

Молодой хозяин возится с мазницей около громадных дрог, на которых зиждется совершенно непонятное, на первый взгляд, сооружение: это целый дом в пять аршин длины, четыре ширины и $2\frac{3}{4}$ высоты; крыт он толем, стены из двойного теса, дверь, два окна; прихотливо окрашен в розовую и белую краску; если вы не поленитесь влезть на дроги и заглянуть внутрь, то увидите стол, две скамьи, нары для спанья, железную круглую печку, тиски, разные инструменты... Эта нарядная дачка – передвижное жилище, которое на рассвете отправится за десять верст на одну из «заимок» хозяина и будет служить пристанищем ему и работникам во время осенней борьбы со стихиями из-за созревшей уже пшеницы»¹³.

В этом рассказе, вероятно, много правды: грязь, навоз – без этого в сельском хозяйстве не обойтись. Заметна и определенная предвзятость автора – он заметил и «дряньненькие хлевушки» и сильно накренившуюся «небрежную постройку». Вместе с тем отмечаются зажиточность хозяйства – множество домашней птицы и особое передвижное жилище, иметь которое мог позволить себе не каждый земледелец.

Молокане, со своеобразной культурой ведения хозяйства и быта, стали важным фактором развития Приамурского края во второй половине XIX – начале XX вв. Молоканская вера с ее разновидностями относится к евангелическому направлению в христианстве. Как и западные протестанты, молокане исповедовали учение о Божьем предопределении – Бог помогает самым активным, талантливым, предприимчивым и смелым. Молоканство смогло выработать такое мировоззрение, которое соответствовало новому этапу социально-

экономического развития российского общества и выражало интересы мещан, зажиточных крестьян, городских предпринимателей и других социальных слоев, представлявших новые буржуазные формы хозяйствования.

На селе молокане шли по пути, аналогичному западному фермерству, ориентируясь на «рациональные» способы ведения хозяйства.

Молокане оригинально истолковали традиционные для христианства учение о Боге, церкви, таинствах, обретении спасения и т.д. Понимание труда как средства спасения и самовоспитания, как обязанности, завещанной Богом человеку при его сотворении, во все времена было основой, на которой различные христианские общины строили свое собственное понимание хозяйственной этики. В толковании Св. Писания молокане на первое место ставили рациональное начало в познании Бога и связанное с этим развитие личной трудовой активности. Молокане отрицали все внешние проявления христианского культа – храмы, иконы, святых, монашество, мощи, церковную иерархию, таинства. Они отмечали христианские праздники (Рождество, Пасху), но не придерживались постов (кроме Страстной седмицы), считая, что Богу более угодна полноценная жизнь и интенсивная трудовая деятельность.

Религиозная и моральная санкция молоканским учением «рационального» капиталистического способа ведения хозяйства, создание особых психологических предпосылок, раскрепощающих индивидуальность и личную инициативу, смогли обеспечить экономическое процветание молокан. Поощряя все виды труда, в том числе и те, которые ведут к возрастанию богатства, молоканство санкционировало и само богатство, считая его испытанием, которое налагает на его владельца определенные моральные обязательства. Эти обязательства заключались прежде всего в благотворительности, в смягчении неизбежных социальных противоречий, в использовании капитала на пользу братьев во Христе¹⁴.

Религиозные воззрения, особое понимание своего места в жизни обусловили существование у молокан специфической трудовой этики, которая обеспечила более высокую производительность труда в их хозяйствах, зажиточность и преуспевание во всех делах, за которые они брались.

Для молокан были характерны следующие особенности жизненного уклада, которые способствовали их продуктивной хозяйственной деятельности. В массе молокане не употребляли спиртного и не курили табак. Хотя, понятно, встречались и исключения – пороки, как известно, обладают большой притягательной силой. При соответствующих случаях (чаще всего это были поминки) любителям крепких напитков в молоканской среде, а также приглашенным из православных наливали водку в самовары, которые ставили в сени или в комнату-боковушку. Это было проявлением лицемерия (Бог не видит), но формально требования молоканской веры не нарушались. Кроме того, дети в молоканских семьях не видели на столе горячительного, и у них не формировались алкогольные традиции и установки «обмывать» и хорошее, и плохое в жизни.

В семьях молокан царил в основном добрый оптимистичный жизненный настрой. Молокане не любили скандалов, крика, проявлений невыдержанности и истерии в отношениях между близкими людьми, не одобряли бесполезную возню, суету, шум, глупые забавы и всякое баловство. Молокане избегали ругательств и нецензурной брани, считали это большим грехом. По мере сил соблюдали порядок дома и во дворе. Старались носить чистую опрятную одежду, удобную кожаную обувь (сапоги, ичиги).

Молокане были почти поголовно грамотными, хорошее образование в их среде очень ценилось. Молокане считали догмой своего учения Св. Писание, поэтому самостоятельное изучение Библии всемерно поощрялось. Чтобы понимать религиозные тексты, дети молокан рано учились читать и писать. Одной из важнейших добродетелей молоканства было стремление к познанию. Это способствовало формированию молоканами новаторства, внесению в хозяйственную жизнь рационального начала, что отличало их от православных и других сект.

Хозяйственный подъем в молоканских селениях был естественным и закономерным явлением. Составитель книги «Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске» Е.Т. Смирнов отмечал: «... В Амурском крае человек трезвый и работающий создает себе непременно если не богатство, то, по крайней мере, обеспеченное существование. Наличие этих двух качеств присуща не только отдельным зажиточным лицам, но и целым селениям, которые могут похвалиться благосостоянием, – таковы, например, молоканские и смежные с ними православные селения Гильчинской волости»¹⁵.

В Гильчинской волости, продолжал тот же автор, где к хорошей земле следует прибавить еще преобладающий элемент молокан, которые образовали в волости 7 селений на 4 православных, и, кроме того, везде рассыпаны в качестве заимочников-землевладельцев, можно увидеть насколько более успешно ведут молокане свое хозяйство по сравнению с православными (см. таблицу, названия населенных пунктов приведены по источнику)¹⁶.

Селения	Год основания	Вероисповедание населения	В 1898 г. причиталось на	
			душу / на двор дес. посева на душу	на двор
Гильчин	1870	Молокане	2,31	22,43
Крестовоздвиженское	1883	Православные	1,00	10,39
Тамбовка	1875	Молокане	2,56	21,2
Толстовка	1884	Молокане	2,2	23,16
Полтавка-нижняя	1884	Православные	1,98	14,72
Полтавка-верхняя	1884	Православные	0,77	6,18
Жариково	1887	Молокане	1,94	14,57

Козьмо-Демьяновское	1887	Православные	1,25	8,71
Чуевка	1888	Молокане	1,67	16,12
Уртуй-верхний	1890	Молокане	3,15	23,6
Ново-Александровка	1895	Молокане	1,25	10,0
Для всех молоканских селений			2,25	20,0
Для всех православных селений			1,08	9,04

В Ивановской волости при среднем посеве на душу 1,42 дес. в единственной деревне с молоканским населением Андреевке приходилось 2,43 дес., а в соседней Лазаревке с православным населением – лишь 1,58, в то время как в среднем по всей Красноярской волости приходилось 5,7 дес. на двор и 0,66 на душу, в единственном молоканском селении Белоярской причиталось на двор 9,27, а на душу 0,93 дес. В Красноярском, основанном раньше и находящемся в таких же почвенных и топографических и других условиях, но при православном населении, имеется только 5,27 дес. на двор и 0,75 на душу. Эти цифры, заключает Е.Т. Смирнов, живо говорят о том, как подвизаются молокане в качестве земледельцев, поэтому привлечение их из европейской России с целью насаждения земледелия в самых пустынных диких углах Приамурского края весьма желательно. Только подлежит основывать деревни исключительно молоканские, не смешивая их с православным населением, чтобы не было религиозных осложнений¹⁷.

Среди молокан всегда было много людей активных, предприимчивых, ищущих новое поле деятельности. В списке премированных экспонентов на Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1899 г. в Хабаровске немало молоканских фамилий. Малой серебряной медалью Министерства земледелия и государственных имуществ был награжден мещанин г. Благовещенска Т.Д. Ланкин «за хорошие хлеба и полную картину его хозяйства», бронзовую министерскую медаль получил мещанин г. Благовещенска Алексей Ланкин «за коллекцию трав, входящих в состав лучшего сена». И.П. Косицын и В.А. Косицын из Благовещенска получили похвальный лист императорского общества акклиматизации животных и растений «за отличное качество коров». Л.В. Дружинин, крестьянин Гильчинской волости, был удостоен похвального листа Императорского московского общества сельского хозяйства «за рыжего жеребца двух лет, роста 2 аршина ½ вершка»¹⁸.

В приложении к главе III книги Е.Т. Смирнова «Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске» содержится «Описание хозяйства братьев Павла и Алексея Ланкиных» на 8 страницах убористым шрифтом. Вот выдержка из этого своеобразного отчета о жизни обычной молоканской семьи: «Наше хозяйство находится в Гильчинской волости Амурской области. Всей земли имеем 400 десятин. Начали хозяйничать в 1880 году, а теперь у нас разделанной земли 300 десятин и плодового сада две десятины. Есть и леса 22 десятины белой березы. Крупных домашних животных 73 головы, в том числе лошадей – 35, рогатого скота 38 голов. Хлебов засеивается: пшеницы 60 десятин, овса 80 десятин; причем с обработкой пашен и посевом справляются 6 рабочих с 20 лошадьми»¹⁹.

В Благовещенске молокане составляли в конце XIX – начале XX вв. преуспевающую группу среди мещан и купцов. Они вели в городе разные прибыльные дела – мелкая и крупная торговля, мукомольное производство, сыроварение, огородничество, земледелие и скотоводство (на заимках близ города), извоз лошадьми и пароходами, лесозаготовки, банки и кредит, золотопромышленность, продажа лошадей и т.д. Молокане монополизировали ряд указанных отраслей городского хозяйства, но всему предпочитали торговлю. Так, 10-20 молокан контролировали в городе рынок мяса с годовым оборотом в миллион рублей²⁰.

Трудовые традиции и навыки молокан в Амурской области сохранялись и после 1917 г. Специальное исследование дальневосточной деревни, проведенное летом 1927 г. и охватившее 11 тыс. хозяйств (около 5% всех крестьянских дворов), показало: там, где селились молокане, был выше процент зажиточных (по советской терминологии кулацких) хозяйств. В Амурском округе таких хозяйств было: Александровское гнездо переписи – 10%, Мазановское – 4%, Тамбовское – 15,6%, Хингано-Архаринское – 4,2%, в среднем – 8,45%. Для сравнения: в Читинском округе кулацких хозяйств было 3,2%, в Хабаровском округе – 1,8%, во Владивостокском округе – 8,25%. При этом, например, 15,6% кулацких хозяйств Тамбовской округи, где больше всего проживало молокан, владели 32,3% средств производства всех крестьянских хозяйств, в том числе им принадлежало 27,1% скота, 39,7% сельскохозяйственного инвентаря, 28,5% посева сельхозкультур²¹.

Высокая производительность труда в молоканских хозяйствах основывалась на широком использовании техники, преимущественно американской. По этому поводу Е.Т. Смирнов пишет: «Поверхностные наблюдатели упрекают молокан в том, что они ведут свое хозяйство хищнически, что сельскохозяйственные машины и орудия служат им лишь для вящего ограбления земли, а не для улучшения техники хозяйств. Но с этим нельзя согласиться. Хороший плуг лучше вспашет ниву, чем дурной, сеялка равномернее рассеет, чем руками, жнейка и молотилка работают лучше, чем коса и цеп, лопата далеко не всегда может заменить сортировку при очистке хлеба, значит, введение сельскохозяйственных орудий улучшило технику»²².

По книге Е.Т. Смирнова можно судить о том, какую технику использовали земледельцы Приамурья более сотни лет назад. Применялись оригинальные американские сортировки «Champion» и копии с «Clayton»'а «Becker»'а. Плуги были одно-, двух- и трехлемешные американских заводов «Deer Avery of sons», «Weir Plow Co». Лучшими признавались плуги завода Дира; наибольшей популярностью пользовался плуг марки «Gilpin» однолемешный и двухколесный с сиденьем: «Не вывернется, огреха не сделает, лучшей пахоты и не нужно, а в день сработает на чистой земле на четырех конях 1½ казенной десятины» (крестьяне села Жариково;

одна казенная десятина равнялась 2400 квадратных саженой). На жатве работали машины систем: «Adriance», «Adriance Triumph», «Johnston», «Osborn», Маккормик. Хорошо показали себя сноповязалки заводов «Osborn», «Johnston», «Deering», «Ponny», Маккормик, «Adriance». Последние более всего были распространены на Амуре под названием «адрианок»²³.

Американские сноповязалки были очень высокого качества и работали на амурских полях до коллективизации. К началу 30-х гг. XX в. у крестьян Амурской области закончился «матауз» – особый матерчатый шнур для обвязки снопов, а аналогичный на советских заводах не производили. Коллективизация нанесла страшный удар по сельскому хозяйству Приамурья. Раскулачиванию и репрессиям подвергались наиболее трудолюбивые и рачительные крестьяне, среди них было много молокан. Разгром молоканских селений в период коллективизации был одной из причин длительного упадка сельского хозяйства области. По культуре земледелия, темпам роста оно так и не вышло на уровень, достигнутый в дореволюционные годы. Новая трудовая этика на селе формировалась на основе колхозного (по существу принудительного) труда, специфической организации производства, которая порождала обезличку в использовании машин, уравниловку в оплате труда и безразличие к его результатам.

¹ Мурыгина Е.А. Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока России во второй половине XIX – 30-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Хабаровск, 2008.

² Аргудяева Ю.В. Молокане в Приамурье // Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология. – Благовещенск, 1995. – С. 156-173; Она же. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). – М., 1997; Она же. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Книга I. Крестьяне. – Владивосток, 2006.

³ Это, напр.: Силаев В. Судьба молокан Приамурья. Исторический очерк // Благовещенск, 1998, 10 апр.; Бачурин М. Коротаяевы // Благовещенск, 2007, 2 марта; Он же. Купцы Коротаяевы // Там же. 16 марта; Он же. Прерванная песня // Там же. 22 июня; Пойда Е. История молоканской семьи Заикиных из деревни Чувка // Приамурье – форпост России на дальневосточных рубежах. Материалы региональной научно-практ. конф. 24-25 октября 2006 г. – Благовещенск, 2007. – С. 285-289.

⁴ Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2008. – С. 825.

⁵ Кудинов Н.Ф. Духовные христиане – молокане (краткий исторический очерк) // Молоканский журнал «Духовный христианин». – 1992. – № 1. – С. 10, 16.

⁶ История Благовещенска. 1856-1917. – Т. 1. – Благовещенск, 2009. – С. 128.

⁷ Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). – Кн. I. – С. 171.

⁸ Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. – Благовещенск, 1894. – С. 60.

⁹ Кириллов А.В. Указ соч. – С. 20; История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – С. 269.

¹⁰ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России... – С. 37-38; Силаев В. Указ. соч.

¹¹ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России... – С. 38.

¹² Там же. – С. 38; Представительные органы власти в Приамурье. Очерки истории / Е.В. Буянов, Н.А. Шиндялов, В.Г. Попов, В.Н. Абеленцев. – Благовещенск, 2009. – С. 16.

¹³ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. С тремя картами. – М., 1909. – С. 655-656.

¹⁴ Аргудяева Ю.В. Молокане в Приамурье... С. 160-162.

¹⁵ Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. – Хабаровск, 1899. – С. 75.

¹⁶ Там же. – С. 124.

¹⁷ Там же. – С. 124-125.

¹⁸ Там же. – Приложение к главе III. – С. 3, 4, 9, 10, 13.

¹⁹ Там же. – Приложение к главе III. – С. 103.

²⁰ История Благовещенска. 1856-1917. – Т. 1. – Благовещенск, 2009. – С. 129-130.

²¹ Составлено и рассчитано по: Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927-1937 гг.). – Хабаровск, 1979. – С. 21, 24.

²² Смирнов Е.Т. Указ соч. – С. 111.

²³ Там же. – С. 128, 146, 169, 175.

